

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 14:159.9.01:343.82

Философско-антропологические основания психотерапии осужденных

Н. С. ОБОТУРОВА – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор философских наук, доцент, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности;

А. М. ЧИРКОВ – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор медицинских наук, профессор, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности

Реферат

Статья посвящена обоснованию необходимости философско-антропологического подхода к разработке методологии пенитенциарной психотерапии, направленной на ресоциализацию осужденных, находящихся в исправительных учреждениях. Рассматриваются причины отставания пенитенциарной психотерапевтической практики от теоретических достижений современной психологии и других областей науки. Обосновывается актуальность и значимость философского анализа пенитенциарной психотерапии в контексте междисциплинарного подхода. На основе теоретических подходов различных философских школ раскрываются проблемы познания психики, сознания, бессознательного и духовного во внутреннем пространстве субъекта. Показано, что современный этап развития антропологии в области воззрений на природу психического мира человека и феномен сознания характеризуется переосмыслением и сменой философских парадигм на основе принципов постнеклассической науки. Важность создания методологической базы психотерапии осужденных обусловлена необходимостью учета достижений и принципов современной философии, основанных на синтезе ее парадигм с другими областями науки и сближении со знаниями восточных школ философии и религиозных воззрений на природу и целеполагание человека.

Ключевые слова: психотерапия; философия; антропология; философская антропология; психология; культура; методология; междисциплинарный подход; метапсихологические теории; парадигма; дискурс; постнеклассическая наука; субъективная реальность; сознание; душа; духовность; принцип иерархичности; экзистенциальная психология; совладающее поведение; копинг; метафизика; трансперсональная психология; трансцендентность; принцип некаузальности; программы и методы психотерапии осужденных; психическое личностное расстройство; стрессовые расстройства; психопатология; преступность; духовная дефицитарность; инкультурация; исправительное учреждение; осужденный.

Philosophical-anthropological foundations of psychotherapy of convicts

N. S. ОБОТУРОВА – Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia for Academic Affairs, Dsc. in Philosophy, Associate Professor, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety;

A. M. CHIRKOV – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Medicine, Professor, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety

Abstract

The article is devoted to the substantiation of the need for a philosophical-anthropological approach to the development of the methodology of penal psychotherapy aimed at the resocialization of convicts who are in correctional institutions. The reasons for the delay in penal psychotherapeutic practice from the theoretical achievements of modern psychology and other fields of science are considered. The relevance and significance of the philosophical analysis of penal psychotherapy is substantiated in the context of the interdisciplinary approach. On the basis of theoretical approaches of various philosophical schools the problems of cognition of the psyche, consciousness, unconsciousness and spiritual in the inner space of the subject are revealed. It is shown that the modern stage of the development of anthropology in the field of views on the nature of the mental world of man and the phenomenon of consciousness is characterized by a rethinking and a change of philosophical paradigms based on the principles of post-non-classical science. The importance of creating a methodological basis for psychotherapy of convicts is conditioned by the need to take into account the achievements and principles of modern philosophy based on the synthesis of its paradigms with other fields of science and the rapprochement with the knowledge of oriental schools of philosophy and religious views on the nature and goal-setting of man.

Key words: psychotherapy; philosophy; anthropology; philosophical anthropology; psychology; culture; methodology; interdisciplinary approach; metapsychological theories; paradigm; discourse; post-non-classical science; subjective reality; consciousness; soul; spirituality; principle of hierarchy; existential psychology; coping behavior; copying; metaphysics; transpersonal psychology; transcendence; the principle of non-causality; programs and methods of psychotherapy of convicts; mental personality disorder; stress disorders; psychopathology; crime; spiritual scarcity; inculcation; correctional institution; convict.

Проблемное поле психотерапии осужденных, находящихся в местах лишения свободы, характеризуется «устойчивой неравнovesностью». Недостаточная эффективность исправления осужденных обусловлена функциональной дефицитарностью психологического сопровождения, центральной структурой и функциями которого является психотерапия. На это указывают данные о низком уровне ресоциализации и сохранении достаточно высоких показателей рецидивности [18]. Такое состояние связано с влиянием целого ряда факторов: изменениями в уголовно-исполнительной политике России; пермиссивно продолжающимся кризисным состоянием культуры, деформирующим общественное сознание и порождающим новые формы нарушений морали и нравственности [15]; особенностями динамики и структуры преступности [18]; омоложением контингента осужденных; увеличением числа лиц с исходной психопатологией, отражающим общую тенденцию нарастания частоты социопсихогенной патологии, индуцируемой стрессовой социально-культурной ситуацией [23] и т. д. Так, например, сокращение численности лиц, помещаемых в исправительные учреждения за нетяжкие преступления, привело к повы-

шению числа осужденных, страдающих социально значимыми заболеваниями, в том числе и психическими личностными расстройствами, что, в свою очередь, повысило социально-психологическую напряженность в местах лишения свободы, увеличив частоту межличностных конфликтов и массовых беспорядков [9].

Негативно сказывается на качестве психотерапии осужденных и несоответствие численного состава психологов (психотерапевтов) количеству осужденных в исправительных учреждениях, недостаточное обеспечение квалифицированными психиатрами, использование симптоматических методов вместо этиопатогенетической адресной психотерапии и т. д. Но основной причиной низкой эффективности психотерапии осужденных является снижение научно-методологического потенциала разрабатываемых программ и методов, обусловленное сохранением устаревших теоретических подходов, относящихся к корпусу основных академических школ психологии и психотерапии [24; 25]. Несмотря на внедрение широкого арсенала терапевтических технологий, качество психотерапии осужденных отстает от достижений научной мысли и остается на низком уровне.

Таким образом, имеющиеся программы, стратегии и методы, построенные на образцах академической науки, отражают общую методологическую недостаточность. Несоответствие методологии психотерапии осужденных задачам пенитенциарной практики актуализирует ее развитие с учетом достижений современной философии и других областей научного знания. Для ее разработки необходим междисциплинарный подход, допускающий использование принципов постнеклассичности (иерархичности, некаузальности, непознаваемости и непредсказуемости психики) и привлечение множества взаимодополняющих и взаимоисключающих теорий и гипотез, что отвечает критериям истинности, целостности, избыточности и одновременно отражает синкретичность, симультанность, эвристичность и значимость исследований.

Целесообразность философского анализа методологических проблем психотерапии обусловлена его прерогативой в рассмотрении внутреннего мира человека. На современном этапе развития науки и гуманитарных знаний проблемы изучения психики и внутреннего мира человека во многом остаются открытыми [16]. Несмотря на внутреннюю противоречивость таких феноменов, как сознание, бессознательное и духовность, изучаемых в философии и культуре, их рассмотрение открывает перспективы для создания целостной картины внутреннего мира человека. Актуальность постановки этих вопросов обусловлена также и тем, что философское понимание психики не может быть достигнуто без таких одинаково важных и равноценных по значимости категорий, как рациональное и иррациональное, сознательное и бессознательное и т. д. Исследование и использование европейской цивилизацией рациональных форм мышления и анализа психических феноменов сами по себе являются достижениями, но их абсолютизация и идеализация, отрицание и отвержение неразумного, иррационального не может дать полного представления о внутреннем мире субъекта [16; 17].

Известно, что еще на первых этапах человеческого самосознания и рефлексии была обнаружена особая духовная реальность. Она отражена в анимистических представлениях о всеобщей одухотворенности мира, всеобщности души, ее независимости от тела, способности управлять живыми и неживыми предметами. Ранние истоки имеет и проблема бессознательного, которая в древнеиндийской философии представле-

на идеей разума знающего, неправильно познающего (страстного), окутанного мраком; изначально бессознательной жизненной энергии («праны»); признанием бессознательной психически активной области [10; 20]. Наиболее глубокие идеи в понимании соотношения духа и материи заложены в древнегреческой философии. Поставленные ее школой проблемы представляются актуальными и сегодня, особенно в области психического и духовного мира человека, его сознания и неосознанного, скрытого знания [16]. Так, Платоном впервые были раскрыты недостатки чувственного восприятия и основанного на нем обыденного сознания. Он отметил, что восприятие представляет нам вещи не такими, какими они есть на самом деле, а такими, какими они кажутся нам (или нашим органам чувств). Чувства не могут быть источником истинного знания, но лишь побудителем, способствующим тому, что разум обращается к познанию истины. Он впервые также указал на несовпадение знания о мире с самим миром и понятия о предмете с самим предметом. Платон считал, что основание понятия не в предмете, а в чем-то другом, что не является ни предметом, ни понятием. Им делается вывод, что первопричиной всего сущего есть сама идея и, разделяя положение о существовании абсолютной истины, указывается, что она не познаваема. Его теории познания связаны с учением о душах, которая существует вечно – до рождения и после смерти. Душа есть идея души и идея жизни, она источник движения, и никакие изменения не могут привести к ее исчезновению, она будет вечна и после земной жизни [19]. Душа бессмертна и, являясь отраженным светом мировой души, состоит из трех начал: яростного (воли), рождающего (ощущений, чувств) и разумного (разума). Отношение человека к миру складывается в зависимости от преобладания того или иного начала души: воля детерминирует благородные желания, чувства – низменные влечения, а разум нацелен на познание. Эти доминанты соответствуют видам знания о внешнем мире – чувственному, деятельности, интеллектуальному. Интеллектуальное знание Платон разделил на рассудочное и разумное, а чувственное – на веру и подобие. И если рассудок открывает истину логическим путем, то разум приходит к истине непосредственно (интуитивно), схватывая истину сразу [19].

На основе платоновского принципа движения (физики) одушевленных существ позднее Аристотелем была создана психо-

логия – учение о душе. Он считал, что душа является формой и сущностью (осуществленностью), а тело – возможностью души, ее материей. И если тело может развиваться и изменяться, то душа представляет начало и цель этого изменения. Все части человеческой души, связанные с телом, погибают, а ум как высшая иерархическая субстанция души не гибнет. Эти взгляды и идеи Аристотеля и Платона, как и мудрость Гераклита и Пифагора, до сих пор актуальны. Они, по мнению Н. А. Бердяева, строились «на религиозном питании, на органической связи с народной жизнью», что отражает их «здравый реализм» [6, с. 10].

Проблема соотношения психики и сознания, разума и страстей в философии XVII–XVIII вв. стала одной из центральных. Идея Р. Декарта о тождестве сознательного и психического оказала влияние на формирование и господство европейского рационализма. По его мнению, в психике нет ничего, кроме сознательно протекающих процессов, и вне мышления не существует ничего подлинно существующего, а сознание представляет особую, нематериальную, непротяженную субстанцию. Он считал, что ассоциативное знание не является истинным, истинное же изначально заложено в душе в виде врожденных идей. В основе философии Р. Декарта лежит дуализм души и тела, «мыслящей» и «протяженной» субстанции. Материю он отождествлял с протяжением или пространством, движение сводил к перемещению тел, а причину движения видел в Боге – источнике объективной значимости человеческого мышления. Человек – это связь души, обладающей мышлением и волей, с безжизненным телесным механизмом. Разум и материя, по Р. Декарту, противопоставляются друг другу, и сущность этой борьбы заключается в обуздании разумом чувств и обретении совершенного морального качества. Взаимосвязь духовной мыслительной и телесной материальной субстанции осуществляется единой, творческой, внутренней, божественной силой, пронизывающей все существующее и обуславливающей врожденность познавательных способностей человека [8].

Принцип гносеологического детерминизма, надолго закрепившийся в европейской философии, принадлежит Б. Спинозе, который, разрабатывая теоретическое построение психологии, подобно стоикам, считал, что основным стремлением человеческой жизни является влечение к самосохранению – выживанию. В противостоянии ду-

лизму Р. Декарта Б. Спиноза создает учение о единой субстанции, которая является первопричиной всего существующего и существует объективно. Она несотворима и неуничтожима, бесконечна в своем временном и пространственном существовании. Пытаясь преодолеть идею противостояния души и тела, он связывает познание с влечениями, аффектами и желаниями человека как проявлениями его сущности, признавая существование «неясных», «темных» восприятий [21]. Вся конструкция психологии Б. Спинозы зависит от концепции телесного организма – «сложного тела» и способности чувствовать, страдать, радоваться и мыслить. Структура психологии опирается на анализ действия и страсти, поскольку, по мнению философа, они являются систематическими и теоретическими понятиями.

В более четком виде доктрина психофизического параллелизма была предложена Г. Лейбницем, который, как и Б. Спиноза, выступал за целостный подход к человеку, утверждая единство телесного и психического. Отрицая декартову идею отождествления психики и сознания, он считал, что в основе этого единства лежит духовное начало. Душа и тело не могут влиять одно на другое и совершают свои операции самостоятельно и автоматически, но в основе их единства лежит духовное начало, некая божественная мудрость, которая выражается в предустановленной гармонии [14]. Он признавал предшествующие сознанию различные состояния человеческой души в виде «малых перцепций» или неосознаваемых восприятий, «бессознательных страданий». Осознание скрытых противоборств психических сил («малых перцепций») становится возможным благодаря особому психическому акту – апперцепции, возникающей на основе обостренного внимания и активной работы памяти. Он указывал, что в душе имеются задатки, предрасположенность к познанию, реализуемая в активной деятельности разума: «все предположения, которые разумны и которые дух мог бы считать таковыми, уже заключены в душе» [14, с. 78]. На основе принципа активности и непрерывности психической деятельности и различной степени интенсивности сознания Г. Лейбницем были выделены несколько областей в душе, отличающихся по степени осознанности тех знаний, которые в них располагаются: область отчетливого знания, область смутного знания и область бессознательного. Рациональная интуиция открывает содержание идей, находящихся в аппер-

цепции, поэтому эти знания являются ясными и обобщенными. Доказывая существование бессознательных образов, ученый при этом не раскрывал их роль в деятельности человека, поскольку считал, что она связана преимущественно с осознанными идеями.

Углубленный анализ феноменов сознания, мышления и бессознательного принадлежит немецкой классической философии с ее идеями разума как объективного и основополагающего начала, познания в достижении объективной истины и представлениями о человеке как субъекте рациональной этики, идеями гармонии человека и мироздания и т. д. Разработка концепций сознания, разума и духа привела к изучению бессознательного в качестве отличного от сознания феномена и самостоятельного источника психической деятельности. Так, И. Кант рассматривал бессознательное в качестве априорного синтеза, предшествующего сознательному содержанию опыта. Он утверждал наличие спонтанных представлений (созерцания), которые даны до всякого мышления, и назвал их чистой, первоначальной апперцепцией. Они рассматриваются им как сущность самосознания, которое «должно иметь возможность сопровождать все остальные представления и быть одним и тем же во всяком сознании» [13, с. 191–192]. Анализируя природу чувственного и интеллектуального познания, И. Кант признает возможность бессознательного в виде обширных неосознанных, смутных, неясных представлений. Тем самым им одним из первых предложен топологический подход к пониманию места и роли сознания и бессознательного в психической деятельности человека.

В отличие от И. Канта высшим понятием трансцендентальной философии И. Фихте считал понятие «Я», которое соединяет в себе данные органов чувств со всем тем, что существует в человеческом разуме. Рассматривая деятельность как бессознательное стремление к саморазвертыванию, он полагал, что бессознательное – первооснова человеческого бытия, свободная, произвольная деятельность, лежащая в основе не только творения мира, но и его познания. Переход от бессознательного к сознанию связан с ограничением свободы, с запретами во имя сохранения и поддержания жизни [22]. Целью человека является он сам в единстве со своей свободой, с высшим Я. Достичь этого возможно только при бесконечном стремлении разума подчинить все

не-Я. Вслед за И. Фихте Ф. Шеллинг также считал, что И. Кант, обосновав знание научное, ограничил знание метафизическое. Бессознательное у Ф. Шеллинга выступает как первооснова мира и бытия человека. Оно отражает самопроизвольное развертывание духа от низших ступеней до возникновения сознания и самосознания. По мнению философа, бессознательное – демиург, находящийся вне человека и относящийся к сфере Абсолюта. Сознание вторично: «сознательной деятельности... должна противостоять деятельность бессознательная...» [26, с. 457]. Он полагал, что если воля рождается в бессознательном, то и человек вынужден обратиться к нему для гарантии успеха своих действий, утверждая тем самым идею об изначальном тождестве бессознательного и сознательного в природе.

Исходя из априорного утверждения, что бытие тождественно мышлению человека, Г. В. Ф. Гегель возвращает мир идей в объективную действительность. Он, как и И. Фихте и Ф. Шеллинг, признает наличие бессознательного, считая, что все созидается и осмысливается посредством понятийного развертывания бессознательного духа. Сознание человека поэтому есть самопознание бессознательным духом самого себя. Синтезируя идеи Аристотеля и И. Канта, он пытается соединить мышление и бытие, диалектику и логику. Мысление способно подняться до диалектики бытия, отражать его текучесть. Признавая «в себе и для себя» сущий, сверхчувственный мир, обладающий рефлектированным существованием, Гегель считает, что этим преодолевается не только чувственное представление, приписывающее существование лишь бытию, но и «бессознательная рефлексия» – «рефлектированные существования» [6, с. 144]. «Бессознательная рефлексия» при этом имеет представления о вещах, но не определяет их, не делает их «рефлективно существующим».

И если в соответствии с отражением философией этоса культуры своей эпохи И. Кант освобождает человека от всего потустороннего как нерационального, то Г. К. Ф. Гегель рационализирует проявленный мир, лишая философию антропологического ядра в угоду западному представлению о прогрессе и его основному понятию «движение». Преодолевая И. Канта, он возвращается к Р. Декарту, утверждая, что человекечен в жизни и бесконечен в познании, которое доступно только мышлению. Абсолютная истина в философии данного

ученого становится достижимой и делает индивида ее обладателем. Эта высшая точка расцвета философии гностиков-рационалистов в Германии, по мнению Н. А. Бердяева, является «самообожествлением», «невиданной гордыней философствующего разума», превращением философии «в идол» [2, с. 11]. Как подъем духа, так и последующее падение были неизбежными и громадными. Вместе с тем, благодаря Гегелю, придавшему диалектическому методу анализа вид полномасштабной парадигмы, сегодня можно не только выявить динамическое противоречие (оппозиционирование) программ и методов психотерапии основным целям ресоциализации осужденных, но и прогнозировать возможность преодоления кризиса культуры на базе духовного и социального развития.

Задачей последующих философов было возвращение человеку утраченных предшествующей философской антропологией сущности его бытия и вековечной цели своих устремлений. На этом пути С. Кьеркегор и Ф. М. Достоевский пришли к философии смысла бытия конкретного человека и его цели, Э. Гартман погрузился в проблемы бессознательного, а А. Шопенгауэр обратился к воле. Его философия – это критика гегелевского рационализма и возвращение к иррационализму в постановке проблемы бессознательного. Началом всего сущего, по А. Шопенгауэру, является бессознательная мировая воля – слепое хотение, неотделимое от телесного существования человека, проявление некоей космической, мировой воли, которая составляет основу и истинное содержание всего сущего и развития мира. Она реальная сущность человека, а интеллект и разум являются ее произвольным, побочным проявлением. Она порождает явления и представления, вместе с которыми появляются соотносительные, друг друга предполагающие «объект» и «субъект». Философ предлагает исходить не из субъекта, как это делает субъективный идеализм, и не из объекта, как это делает материализм, а из порожденного бессознательной волей представления. Воля, как «вещь в себе», непосредственно открывается субъекту познания, и условием этого познания является данное каждому человеку тело, которое служит явлением воли, благодаря чему человек оказывается индивидуальностью. Таким образом, для А. Шопенгауэра, синтезирующего традиции брахманизма с философией Платона, И. Канта и И. Фихте, неопровергнутым тезисом оказывается ут-

верждение, что мир лишь представление, то есть образ, созданный человеческим сознанием. Его попытки создать универсальную философскую систему отражают сплав философии востока с экзистенциальными идеями на пути постижения свободы и обусловленности, смысла и бессмыслицы, скорби, страдания и радости, духовного и материального, общего и частного и т. д. [27]. Достижение нравственной свободы, привлечение человека к первичному единству и одухотворение этого единства происходит на вершине неизбежных страданий личности и слома «воли к жизни». Несмотря на то что мир сам по себе непроницаем, А. Шопенгауэр указывает, что существуют три подхода к его познанию – мистика, философия и искусство. По его мнению, созерцательное познание недоступно науке, так как она всегда обращена к интеллекту, глубоко погруженному в интересы воли. Но оно открывается различным видам искусства, которые опираются на интуицию, познающую не отдельную вещь, а ее «идею» – вечную форму. Действительный образ мира в его сущности открывается лишь художественному познанию, и художественная интуиция есть истинное познание, являющееся привилегией гения. Этим А. Шопенгауэр предвосхитил ряд идей в области психологии творчества [12], а его взгляды на восприятие мира как продукт сознания согласуются с концепциями голографического единства и устройства мира.

Рождение основных понятий в области психологии бессознательного и психодинамической психотерапии во многом обязано немецкому философу Э. Гартману, который первым обобщил, переосмыслил и развил представления о бессознательном [4, с. 22]. Вслед за А. Шопенгауэром он утверждал, что бессознательное, являясь единой духовной субстанцией – космическим сознанием, скрыто под поверхностью индивидуального сознания. И наивысшее благо для человека заключается в пробуждении, реализации и превращении бессознательного в сознательное. Это прямое следование древнеиндийской философии, в которой подсознательные мотивы и сверхсознание понимались как часть человеческого существа, находящаяся в контакте с Единым. То есть бессознательное у Э. Гартмана, как и у А. Шопенгауэра, рассматривается главным компонентом познания мира, поскольку имеет интуитивную природу, играя тем самым значительную роль в творчестве. Утверждая, что основополагающим нача-

лом всего сущего является бессознательное, философ пытается доказать единство воли и представления, снимающее различие между духом и материей. Он следовал И. Канту и особенно А. Шопенгауэру в значении воли, указывая, что бессознательная воля по сравнению с сознательной является первичной и значительно более сильной [5]. Бессознательному принадлежит моментальность действия и наличие психической особой сферы, предоставленной только ему, «ибо она недоступна сознанию» и «все то, что может быть выполнено сознанием, может быть выполнено и бессознательным, и даже еще удачнее, быстрее, удобнее» [5, с. 284]. С его утратой теряется источник жизни, поскольку сознательный разум выводит общее из частного и не действует произвольно, то есть не творчески. Разделяя положение о том, что воля создает реальность, а представление наполняет ее содержанием, Э. Гартман рассматривает и выделяет в бессознательном физический, гносеологический, психический и метафизический аспекты содержательного смысла. К физиологически бессознательному он отнес рефлексы, инстинкты, наклонности, навыки и т. д. Гносеологически бессознательным являются непознанное и непознаваемое. Они недоступны обычным способам познания, но открываются в сфере психического и метафизического бессознательного. В психически бессознательном Э. Гартман выделяет следующие разновидности: 1) не сознаваемое определенным образом; 2) относительно бессознательное; 3) абсолютно бессознательное как носитель и исполнитель тех высших законов природы, благодаря которым организм возвращается над неорганизованными вещами. То есть бессознательное находится как в телесной области, так и в области человеческого духа. И если телесно бессознательное имеет отношение к целительной силе природы и органическому образованию, то духовно бессознательное выражается в чувстве и чувственном восприятии, мышлении и характере, нравственности, любви, эстетических суждениях, художественном творчестве и т. д. Вслед за И. Кантом Э. Гартман дополняет, развивает и создает стройную структурированную иерархическую топологию бессознательного. Ей присущи всеобщность и вездесущность бессознательного, начиная от присутствия его на физическом уровне до метафизического, включающего психический и духовный. Бессознательное при этом охватывает в один и тот же момент

как результат, так и производящий его целый процесс, который «непосредственно усматривает в интеллектуальном созерцании результат всего процесса» [5, с. 294]. Э. Гартман наряду с этим отмечает и минусы бессознательного, руководствуясь которым человек бродит в потемках и результаты его проявления не поддаются совершенствованию, а проявляются в страшной, демонической, предуготовленной природе. В связи с этим философ указывает на необходимость овладения бессознательным и на важность расширения сферы сознания и сознательной деятельности. К свойствам сознания он относит: способность блокировать страсти; стремление к истине, критике и самокритике; выбор средств, соразмерных с целью; управление волей; согласование действия с нравственностью, возможностями и способностями индивида; подавление необоснованных ощущений и недовольства и т. д. Но, оставаясь в рамках иррационализма, Э. Гартман утверждает, что каждый шаг на пути к победе сознания над бессознательным является дальнейшим движением от жизни к ничто и «полная победа логического элемента над алогическим должна совпасть с концом мирового процесса во времени, с последним днем его» [5, с. 373]. Указывая, что небытие мира предпочтительнее «безумного карнавала бытия», он предвосхищает философию XX в. Его идеи явились не только научной основой психоанализа, но предвосхитили положения теории функциональных систем П. К. Анохина, иерархичности, принципы постнеклассичности и т. д. [1; 15].

Таким образом, философия немецкого трансцендентального идеализма от И. Канта до Г. В. Ф. Гегеля не смогла справиться с феноменом сознания, настойчиво изыскивая пути его «раскрытия» с «черного хода» путем изучения его антипода – бессознательного. Однако анализ психологии бессознательного потребовал возврата к истокам древней философии, что проявилось в синтезе восточного и европейского философских подходов Э. Гартмана. Такая тенденция философского анализа психики характерна и для современных направлений философской антропологии. Они связаны с переосмыслением научного познания сущности и структуры внутреннего мира человека. Это отражается как в дальнейшей экспансии философии в сферу бессознательного, так и в смене парадигм и разработке принципов экзистенциальной философии, развитии религиозно-философской мысли и т. д.

Все это демонстрирует актуальность обращения к фундаментальным предпосылкам человеческого бытия на основе обогащения его смысла антропологическими и теолого-философскими контекстами с целью преодоления кризиса нравственно-ценностной системы взглядов. Современная философия обеспечивает развитие представлений

о природе психики и сознания, специфике их проявлений в регуляции поведения человека. Такой подход является необходимым условием для создания целостной объективной картины психической жизни личности и разработки теоретико-методологических оснований пенитенциарной психологии и психотерапии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин П. К. Узловые вопросы теории функциональных систем. М., 1980. 196 с.
2. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М. ; Екатеринбург, 2015. 522 с.
3. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка. М., 1956. 519 с.
4. Гартман Э. К понятию бессознательного // Новые идеи в философии : сб. СПб., 1913–1914. Т. 15. 144 с.
5. Гартман Э. Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного. М., 1873–1875.
6. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. М., 1971. Т. 2. 248 с.
7. Герасимова И. А. Проблема сознания в контексте междисциплинарного диалога // Россия и Восток. Феномен сознания: интегральное видение : тр. междунар. конф. (Астрахань, 9–12 сентября). Астрахань, 2004. С. 170–174.
8. Декарт Р. Страсти души : избр. произв. М., 1950. 711 с.
9. Диценко А. В. Расстройства личности у осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы : учеб. пособие. Томск, 2010. 240 с.
10. Древнеиндийская философия. Начальный период. М., 1972. 271 с.
11. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива. М., 2007. 528 с.
12. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010. 592 с.
13. Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 3. Критика чистого разума. 799 с.
14. Лейбниц Г. В. Собр. соч. : в 4 т. М., 1983. Т. 2. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии. 686 с.
15. Обутурова Н. С. Влияние информационной образовательной среды на формирование общекультурных компетенций обучающихся // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 4 (36). С. 83–86.
16. Обутурова Н. С. Природа и познавательные функции бессознательного : моногр. Вологда, 2003. 104 с.
17. Обутурова Н. С. Философия идеи : моногр. Вологда, 2009. 175 с.
18. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – декабрь 2017 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2018. 358 с.
19. Платон. Соч. : в 3 т. М., 1972.
20. Шивананда С. Йога и сила мысли. М., 2003.
21. Спиноза Б. Избранные произведения : в 2 т. М., 1957. Т. 2. 727 с.
22. Фихте И. Г. Антология мировой философии : в 4 т. М., 1971. Т. 3.
23. Чирков А. М. Системогенез стрессовой адаптации осужденных // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1 (72). С. 40–46.
24. Чирков А. М. Культуральный подход к психотерапии психических личностных расстройств у осужденных молодежного возраста // Психолого-педагогическое обеспечение исполнения наказаний в отношении осужденных молодежного возраста : сб. материалов науч.-практ. семинара / под общ. ред. С. В. Маришина. Вологда, 2017. С. 8–32.
25. Чирков А. М. Полимодальная психотерапия ассоциации стрессовых и психических личностных расстройств // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 1 (37). С. 67–71.
26. Шеллинг Ф. В. И. Соч. : в 2 т. М., 1967. Т. 1. Система трансцендентального идеализма. 637 с.
27. Шопенгауэр А. Избранные произведения. М., 1993. 479 с.

REFERENCES

1. Anohin P. K. Uzlovye voprosy teorii funkcion'nyh system [Nodal questions of the theory of functional systems]. Moscow, 1980. 196 p. (In Russ.).
2. Berdyaev N. A. Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka [Philosophy of freedom. Sense of creativity. Experience of human justification]. Moscow ; Ekaterinburg, 2015. 522 p. (In Russ.).
3. Vygotskij L. S. Izbrannye psihologicheskie issledovaniya. Myshlenie i rech'. Problemy psihologicheskogo razvitiya rebenka [Selected psychological research. Thinking and speaking. Problems of psychological development of the child]. Moscow, 1956. 519 p. (In Russ.).
4. Gartman EH. K ponyatiyu bessoznatel'nogo [To the concept of the unconscious]. Novye idei v filosofii : sb. – New ideas in philosophy: collection. St. Petersburg, 1913–1914. Vol. 15. 144 p. (In Russ.).
5. Gartman EH. Sushchnost' mirovogo processa, ili Filosofiya bessoznatel'nogo [The essence of the world process or the Philosophy of the unconscious]. Moscow, 1873–1875. (In Russ.).
6. Geigel' G. V. F. Nauka logiki : v 3 t. [The science of logic : in 3 vol.]. Moscow, 1971. Vol. 2. 248 p. (In Russ.).
7. Gerasimova I. A. Problema soznaniya v kontekste mezhdisciplinarnogo dialoga [The problem of consciousness in the context of an interdisciplinary dialogue]. Rossiya i Vostok. Fenomen soznaniya: integral'noe videnie : tr. mezhdunar. konf. (Astrahan', 9–12 sentyabrya) – Russia and the East. The phenomenon of consciousness: an integral vision : the proceedings of an international conference (Astrakhan, September 9–12). Astrakhan, 2004. P. 170–174. (In Russ.).
8. Dekart R. Strasti dushi : izbr. proizv. [The Passion of the Soul : Selected Works]. Moscow, 1950. 711 p. (In Russ.).
9. Didenko A. V. Rasstrojstva lichnosti u osuzhdennyh, otbyvayushchih nakazaniya v mestah lisheniya svobody : ucheb. posobie [Personality disorders in convicts serving sentences in places of deprivation of liberty : tutorial]. Tomsk, 2010. 240 p. (In Russ.).

10. Drevneindijskaya filosofiya. Nachal'nyj period [Ancient Indian philosophy. Initial period]. Moscow, 1972. 271 p. (In Russ.).
11. Zhuravlev A. L., Yurevich A. V. Teoriya i metodologiya psihologii: postneklassicheskaya perspektiva [Theory and methodology of psychology: post-non-classical perspective]. Moscow, 2007. 528 p. (In Russ.).
12. Zinchenko V. P. Soznanie i tvorcheskij akt [Consciousness and creative act]. Moscow, 2010. 592 p. (In Russ.).
13. Kant I. Soch. : v 6 t. [Works in 6 vol.]. Moscow, 1964. Vol. 3. Criticism of pure reason. 799 p. (In Russ.).
14. Leibniz G. V. Sobr. soch. : v 4 t. [Collected works in 4 vol.]. Moscow, 1983. Vol. 2. New experiments on the human understanding of the system of pre-established harmony. 686 p. (In Russ.).
15. Oboturova N. S. Vliyanie informacionnoj obrazovatel'noj sredy na formirovanie obshchekul'turnyh kompetencij obuchayushchihsya [Influence of the information educational environment on the formation of general cultural competencies of students]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2016. Iss. 4 (36). P. 83–86. (In Russ.).
16. Oboturova N. S. Priroda i poznavatel'nye funkciy bessoznatel'nogo : monogr. [The nature and cognitive functions of the unconscious : monograph]. Vologda, 2003. 104 p. (In Russ.).
17. Oboturova N. S. Filosofiya idei : monogr. [Philosophy of the idea : monograph]. Vologda, 2009. 175 p. (In Russ.).
18. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovolovo-ispolnitel'noj sistemy (yanvar' – dekabr' 2017 g.) : inform.-analit. sb. – The main indicators of the penal system (January–December 2017) : information-analytical collection. Tver, 2018. 358 p. (In Russ.).
19. Platon. Soch. : v 3 t. [Compositions : in 3 volumes]. Moscow, 1972. (In Russ.).
20. SHivananda S. Joga i sila myсли [Yoga and the power of thought]. Moscow, 2003. (In Russ.).
21. Spinoza B. Izbrannye proizvedeniya : v 2 t. [Selected works in 2 volumes]. Moscow, 1957. Vol. 2. 727 p. (In Russ.).
22. Fichte I. G. Antologiya mirovoj filosofii : v 4 t. [Anthology of world philosophy : in 4 vol.]. Moscow, 1971. Vol. 3. (In Russ.).
23. CHirkov A. M. Sistemogenet stressovoj adaptacii osuzhdennyh [Psycho-pedagogy in law enforcement agencies]. Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah – Psychopedagogy in law enforcement. 2018. Iss. 1 (72). P. 40–46. (In Russ.).
24. CHirkov A. M. Kul'tural'nyj podhod k psihoterapii psihicheskikh lichnostnyh rasstrojstv u osuzhdennyh molodezhnogo vozrasta [The cultural approach to psychotherapy of mental personality disorders in young people convicted]. Psihologopedagogicheskoe obespechenie ispolneniya nakazanij v otnoshenii osuzhdennyh molodezhnogo vozrasta : sb. materialov nauch.-prakt. seminara / pod obshch. red. S. V. Marishina – Psychological and pedagogical support for the execution of sentences in relation to convicted youth : a collection of materials of the scientific and practical seminar ; ed. by S. V. Marishin. Vologda, 2017. P. 8–32. (In Russ.).
25. CHirkov A. M. Polimodal'naya psihoterapiya associaci stressovyh i psihicheskikh lichnostnyh rasstrojstv [Polymodal psychotherapy of the association of stressful and psychic personality disorders]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2017. Iss. 1 (37). P. 67–71. (In Russ.).
26. SHelling F. V. I. Soch. : v 2 t. [Works in 2 vol.]. Moscow, 1967. Vol. 1. The system of transcendental idealism. 637 p. (In Russ.).
27. SHopengauerehr A. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. Moscow, 1993. 479 p. (In Russ.).